

6. Lejderman N. L. Teoreticheskie problemy izucheniya russkoj literatury XX veka: Predvaritel'nye zamechaniya // Russkaya literatura XX veka: Napravleniya i techeniya. Ekaterinburg, 1992, iss. 1, pp. 58–71.
7. Lejderman N., Lipoveckij M. Zhizn' posle smerti, ili Novye svedeniya o realizme // Novyj mir, 1993, № 7, pp. 23–28.
8. Lejderman N., Lipoveckij M. Sovremennaya russkaya literatura. 1950–1990-e gody : in 2 vol. M., Akademiya, 2003. Vol. 2. 416 p.
9. Nadzhieva F. S. Russkaya literatura segodnya. Baku, 2015. 320 p.
10. Nefagina G. L. Russkaya proza konca XX veka. M., Flinta, Nauka, 2005. 320 p.
11. Pokolenie Limonki. Kniga dlya chteniya pod partoj. Ekaterinburg, Ul'tra, Kul'tura, 2005. 384 p.
12. Chernaya T. K. Realizm kak hudozhestvennaya filosofiya // Russkaya literatura XX–XXI vekov: problemy teorii i metodologii izucheniya. M., MSU, 2004, pp. 79–86.

АМБИУТОПИЗМ ФИЛОСОФСКОЙ СКАЗКИ Ф. ИСКАНДЕРА «КРОЛИКИ И УДАВЫ»

Шевель Екатерина Анатольевна, кандидат филологических наук, Пятигорский государственный лингвистический университет, 357532, Россия, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9, e-mail: shevel@mail.ru.

В статье исследуется проблема изучения утопии и антиутопии как взаимообусловленных жанров. Основой данной проблемы является амбиутопизм – взаимосвязь утопии и антиутопии, амбивалентное сочетание утопизма и антиутопизма, противоречивое, амбивалентное отношение к будущему, которое имеет как позитивные, так и негативные аспекты. Как явления одной жанровой природы, утопия и антиутопия представляют собой различное толкование идеального мироустройства, при этом антиутопия отталкивается от утопии, критикует её во имя того же идеала. Поэтому правомерно говорить о противоположной направленности антиутопии по отношению к утопии как жанру, а не только к конкретным утопическим учениям и текстам.

Ключевые слова: утопия, философская сказка, Фазиль Искандер, амбивалентность, жанровая природа, утопические учения, мироустройство

AMBIUTOPIZM PHILOSOPHICAL TALE F. ISKANDER "RABBITS AND BOAS"

Shevel Catherine A., Candidate of Philological Sciences, Pyatigorsk State Lingvistic University, 357532, Russia, Pyatigorsk, 9 Kalinin ave., e-mail: Shevel@mail.ru.

The article examines the problem of the study of utopia and dystopia as an interdependent genres. The basis of this problem is ambiutopizm - the relationship of utopia and dystopia, ambivalent combination of utopianism and antiutopizma, contradictory, ambivalent attitude to the future, which has both positive and negative aspects. As a genre phenomenon of nature, utopia and dystopia are different interpretations of an ideal world order, and the dystopia is repelled by the utopia, criticizes it in the name of the same ideal. Therefore correct to speak about the opposite direction with respect to the dystopian utopia as a genre, and not only to specific utopian doctrines and texts.

Keywords: utopia, a philosophical tale, Fazil Iskander, ambivalence, genre nature, utopian doctrine, the world order

Специфика современного литературного процесса обусловлена стремительной сменой художественной парадигмы, философскими течениями, закономерно влияющими на формирование новых направлений в развитии отечественной литературы, что закономерно сказывается на структуре типологии жанров, на прозрачности границ жанровых образований, вносит коррективы в осмысление литературных произведений в рамках жанровой принадлежности не только самими писателями, но и читательской публикой. Новые модификации жанров продуцируются в результате взаимодействия наиболее актуальных на данный исторический момент жанровых признаков, как на содержательном, так и на формальном уровнях художественного мира: прежде всего, эволюция в данной сфере происходит в рамках специфики художественного пространства и времени, а также траектории развития художественных образов в свете выполняемой эстетической задачи в конкретном литературном произведении, корпусе текстов конкретного писателя, литературного направления в целом.

Отечественное литературоведение до недавнего времени традиционно использовало следующие термины: «утопия», «антиутопия» и «роман-предупреждение» при следующем наполнении: первый обозначает художественное воплощение социального идеала, второй – антиидеала (при неверии писателя в возможности общественного прогресса), третий же – последствий неконтролируемого развития тех или иных опасных социальных тенденций. Практически разграничение «антиутопий» и «романов-предупреждений» отражало лишь типологизацию произведений и писателей по идеологическим критериям, и в последние годы от него в большинстве исследовательских прецедентов отказались. Разграничение утопий и антиутопий сохраняется ввиду четкости критерия – положительной или отрицательной авторской оценки репрезентируемой социальной модели (при этом считается, что в литературе XX в. обращение к антиидеалу преобладает).

К настоящему моменту не исследован в полном объеме вопрос о статусе отечественной традиции антиутопии, не раскрыт характер соотношения национальной и западноевропейской жанровых традиций. Бытует мнение, согласно которому антиутопия принадлежит к исконно европейским жанрам, однако следует заметить, что сторонники этой позиции, как правило, не принимают во внимание богатый художественный опыт русской антиутопии.

Многовековая история жанра представлена вариантами данной схемы, которые позволяют детализировать основную авторскую задачу описания утопического общества посредством этих служебных персонажей: «Жанр обретает смысл и функцию литературного кода, с помощью которого читатель получает информацию о способе прочтения данного текста, что в определенной степени обеспечивает понимание этого текста. По такой логике утопия как жанр весьма показательна: «код» утопии предупреждает читателя о том, что ему предстоит войти в придуманный, гиперусловный сюжет, в котором сконструирован мир счастливого будущего» [1, с. 12].

С.Л. Франк указал на религиозную основу всех утопических исканий, смысловой центр которых – «по человеческому замыслу и человеческими силами осуществляемая планомерная мировая реформа, освобождающая мир от зла и тем самым осмысливающая жизнь» [3]. Именно религиозное чувство становится условием, при котором реализация утопии необходима: надо найти «дело», которое спасет мир, человечество и участвующую в этом «деле» личность. Такая точка зрения на мироустройство, как указывает С.Л. Франк, «бессознательными корнями своими соединена с христианской надеждой «нового неба и новой земли». Она правильно сознает факт бессмысленности жизни в её нынешнем состоянии и праведно не может с ним примириться; несмотря на эту фактическую бессмысленность, она, веруя в возможность обрести смысл жизни или осуществить его, тем самым свиде-

тельствует о своей, хотя и бессознательной, вере в начала и силы высшие, чем эта бессмысленная эмпирическая жизнь. Но, не отдавая себе отчета в своих необходимых предпосылках, она в своих сознательных верованиях содержит ряд противоречий и ведет к существенному искажению здравого, подлинно обоснованного отношения к жизни» [3].

Очевидно, что непосредственной реакции при крахе веры оказывается не логический анализ просчетов и неудач, не практическое действие, а яростное поправление святынь, выраженное с той или иной степенью откровенности. Мотивы поправления святынь, профанации веры в жанре антиутопии являются частотными, едва ли не в каждом образце этого жанра такие мотивы представлены широко и многообразно. Некорректно представление о поисках абсолютного государственного счастья как специфических только для XIX–XXI вв.

При направленности утопии на изменение уже действующего порядка вещей сохраняется её статичность, т.к. утопия манифестирует новое состояние общества как *status quo*, как новую ступень фиксации. Исполнение мечты представляется целью всей жизни, всех способностей человека. Основой изучения утопии и антиутопии как взаимообусловленных жанров является амбиутопизм – взаимосвязь утопии и антиутопии, амбивалентное сочетание утопизма и антиутопизма, противоречивое, амбивалентное отношение к будущему, которое имеет как позитивные, так и негативные аспекты. Как явления одной жанровой природы, утопия и антиутопия представляют собой различное толкование идеального мироустройства, при этом антиутопия отталкивается от утопии, критикует её во имя того же идеала. Поэтому правомерно говорить о противоположной направленности антиутопии по отношению к утопии как жанру, а не только к конкретным утопическим учениям и текстам.

Б.А. Ланин выделяет в качестве основного признака антиутопии псевдокарнавал, подчёркивая, что его основа – абсолютный страх в противоположность амбивалентному смеху как базису карнавала, исследованному М. Бахтиным: «Смысл страха в антиутопическом тексте, заключается в создании совершенно особой атмосферы, того, что принято называть "антиутопическим миром". Как и следует из природы карнавальной среды, чувства и качества приобретают амбивалентность: страх соседствует с благоговением перед властными проявлениями, с восхищением ими. Эта амбивалентность оказывается "пульсаром": попеременно "включается" то одна, то другая крайность, и эта смена становится паранормальным жизненным ритмом. Благоговение становится источником почтительного страха, сам же страх стремится к иррациональному истолкованию» [2, с. 155]. Страх становится формой управления государством, и в этом смысле антиутопия выполняет главное своё предназначение – она целенаправленно раскрывает секреты функционирования государства как такового, жизнь в нем обыкновенного, «маленького» (в терминологии русской классической литературы) человека. Одним из сюжетобразующих факторов антиутопии становится донос как по отношению к структурированию всего художественного мира произведения (автор и его герой, по сути, создают донос на всё общество), так и в локальных мотивных структурах.

Таким образом, антиутопия, являясь логическим развитием утопии, может быть формально отнесена к тому же жанровому образованию. Однако существуют и кардинальные отличия антиутопии от утопии: классическая утопия демонстрирует позитивные черты государственного и общественного мироустройства, представленного в художественном мире произведения, тогда как антиутопия сосредоточена на выявлении негативных черт такого мира. Жанровые признаки антиутопии имеют в качестве отправной точки субъективную модальность автора, т.к. именно его мировосприятие, в частности, аксиологическая составляющая, влияет на осмысление представленного мира как позитивного (и тогда перед нами утопия) либо негативного. Мир утопии

статичен, антиутопия ориентирована на художественное изучение потенциала описываемых в произведении социальных устройств, как правило, развитие этого потенциала локализуется в сфере нарастания негативных тенденций. Тем самым, антиутопия как литературный жанр, воплощая тенденцию отталкивания от самой идеи утопии, репрезентирует более сложные социальные модели, а значит, имеет фактически неограниченный потенциал в сфере психологически тонкой разработки персонажной сферы, с одной стороны, и авантюрного вектора развития действия, с другой.

Список литературы

1. Воробьева А. Н. Русская антиутопия XX – начала XXI веков в контексте мировой антиутопии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. Н. Воробьева. – Саратов, 2009. – 49 с.
2. Ланин Б. А. Русская литературная антиутопия / Б. А. Ланин. – М. : Просвещение, 1993. – 199 с.
3. Франк С. Л. Смысл жизни / С. Л. Франк. – Режим доступа: http://www.vehi.net/frank/smysl_zhi.html, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. Vorob'eva A. N. Russkaya antiutopiya XX – nachala XXI vekov v kontekste mirovoj antiutopii. Saratov, 2009. 49 p.
2. Lanin B. A. Russkaya literaturnaya antiutopiya. Moscow, Prosveshchenie, 1993. 199 p.
3. Frank S. L. Smysl zhizni. Available at: http://www.vehi.net/frank/smysl_zhi.html.